

Профессия – стенографистка

Всякого новоиспеченного собственного корреспондента «Комсомольской правды» в былые времена первым делом вели знакомиться со стенбюро редакции. Мы входили туда как в некое святилище: телефонная мини-станция, бюро, за пультом – небольшого роста строгого вида женщина.

Работа ее зачаровывала. «Париж? На проводе – Москва». И поворот в сторону соседнего небольшого зала с кабинками: «Тамара, Париж, прими две страницы!» И тут же новый звонок: «Петропавловск? Мария, здравствуйте, это «Комсомольская правда». Есть что диктовать? Хорошо, сейчас примем», И снова легкий поворот в сторону комнаты: «Лена, Камчатка, запиши одну страницу».

Е.К. Благодарева. 23 октября 2003 г.

Это было волшебное место в редакции, перед которым по каким-то неведомым законам распахивались ворота мира и можно было легким движением руки соединить редакцию газеты с любым городом планеты. А руководила этим процессом неведомой связи хрупкая на вид женщина – **Екатерина Константиновна Благодарева**, или просто Катя, как звали ее все корреспонденты «КП». Всегда в безукоризненной белой блузке, подчеркнута строгая, с хорошо

поставленным голосом – да и как иначе, если ее слушали телефонистки во Владивостоке и Нью-Йорке, если ей отвечали не только корреспонденты газеты, но и министры, руководители городов и весей, все, кто почему-то в данный момент позарез нужен был газете. Она была стенографисткой по призванию. Как пришла в газету девчонкой после курсов стенобюро, так и работала, можно сказать, до последних дней.

Понять ее крючки и закорючки в блокноте для записей мог только тот, кто сам обучался стенографической грамоте. Но я не помню ни одного случая, чтобы в принятом ею тексте была допущена хотя бы одна ошибка. А ведь это была мука-мученическая – писать с голоса человека, находящегося черт знает где, и вовсе не обязательно у прекрасного аппарата связи. Сейчас с ужасом вспоминаю, как и я сам диктовал свои заметки нашей Кате то по радиостанции находящегося в Тихом океане рыболовного траулера, то из какого-то таежного поселка в Приморье с единственного допотопного телефона... Но все принималось и записывалось – четко, быстро, ибо как раз преимущество стенографической записи и заключалось в скорости записи.

У нашей Кати был хороший наставник. Недавно я узнал, что начинала она работать под присмотром старшей стенографистки, которая участвовала в Нюрнбергском процессе. Надо ли говорить, какая там была ответственность не только за слово, но и за каждую запятую! Наша Катя и сама воспитала и вырастила не одну классную стенографистку редакции, которые продолжили ее эстафету в стенобюро. А потом пришел его величество компьютер – и вроде как необходимость в стенографистках отпала. Попытка найти хотя бы один блокнот со стенографической «абракадаброй» нашей Кати, чтобы сохранить его для нынешних, электронно-вооруженных журналистов, но – увы! – не нашел.

Уж пятнадцать лет минуло, как ушла наша Катя, которая не оставила после себя своих блокнотов. Зато оставила нечто большее – Память о себе, как о супер-профессионале, как о большом человеке, о чем свидетельствует и памятник своим землякам в подмосковной деревне Исаково, погибшим в огне

Великой Отечественной войны, поставленный благодаря ее усилиям, и мемориальная доска с ее именем на стене школы №33 в родном городе Электроугли...

Минтруд вычеркнул из перечня профессию стенографистки. Не могу сказать: справедливо ли? Но он не в силах вычеркнуть из нашей памяти и нашу стенографистку Катю, и ее соратниц по стенбюро редакции. На мой взгляд, профессии так просто, после росчерка пера, не умирают...

Текст и фото
Анатолия Строева

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА